

Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание

Б. Ю. Норман

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь*

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Описывается фрагмент «динамического синтаксиса» русского языка, а именно положение наречия и падежной формы с предлогом в структуре высказывания. Они часто выполняют роль несогласованного определения, и при этом возникают как результат передвижения словоформы из сферы непосредственного глагольного подчинения в именную группу. Анализируются примеры высказываний, которые содержат в себе ситуацию синтаксической омонимии – возможность двоякого (альтернативного) синтаксического членения. От выбора слушающим одного из вариантов зависит и общая смысловая трактовка высказывания. Показано, что на выбор одного из вариантов синтаксического анализа влияют: а) «здоровый смысл», заключающийся в когнитивном и вербальном опыте слушающего, б) собственно языковые факторы, в том числе правила комбинаторики, порядка слов и др. Устанавливается связь внутренних структурных преобразований, которые происходят в сознании говорящего и слушающего, с общими тенденциями развития синтаксиса русского языка. Среди них рассматриваются стремление к ослаблению синтаксических связей, активизация конструкций, основанных на лексико-семантических ассоциациях, центростремительная и центробежная тенденции в синтаксисе и др.

Ключевые слова

несогласованное определение, синтаксическая структура, семантизация, наречие, двоякая связь, принцип приоритета

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006

Для цитирования

Норман Б. Ю. Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 269–282. DOI 10.17223/18137083/75/19

Sentences with uncoordinated attributes: their perception and understanding

B. Ju. Norman

*Belorussian State University
Minsk, Belarus*

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

This paper aims at describing a fragment of the “dynamic syntax” of the Russian language, namely the function of the adverb and the case form with a preposition in the structure of the utterance. They often function as uncoordinated attributes resulting from the word form passing from the sphere of direct verb submission to the noun phrase. Constructions of the type “*okno naprotiv*” (window opposite something) are differently evaluated by linguists and provoke discussion. However, in terms of cognitive linguistics and psycholinguistics, it is more important that utterances appear with a syntactic homonymy – the possibility of a double (alternative) syntactic division. The general semantic interpretation of the utterance depends on the listener’s choice of one of the options. For example, the phrase “*On ne nashel brauninga v rukave*” (He did not find the browning in the sleeve) can be interpreted by establishing the connections “*ne nashel – v rukave*” (did not find – in the sleeve) or “*brauninga – v rukave*” (browning – in the sleeve). The author provides the actual examples from Russian fiction and journalism. The prerequisites affecting the perception and understanding of such patterns are investigated. It is shown that the choice of one of the variants of analysis is influenced by: a) common sense, that is, the cognitive and verbal experience of the listener, b) linguistic factors, including the rules of combinatorics, word order, etc. A connection is established between the internal structural transformations taking place in the speaker’s and the listener’s consciousness and general trends in the development of Russian syntax. Among these, consideration is given to the tendency to weaken syntactic relations, the activation of constructions based on lexical-semantic associations, centripetal and centrifugal tendencies in syntax, etc.

Keywords

uncoordinated attribute, syntactic structure, semantization, adverb, alternative connection, priority principle

Acknowledgments

The research is supported by Act 211 of the Government of the Russian Federation, contract no. 02.A03.21.0006

For citation

Norman B. Yu. Sentences with uncoordinated attributes: their perception and understanding. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 269–282. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/19

Введение

Самонаблюдение как эксперимент

С тех пор, как возникла такая отрасль языкознания, как психолингвистика, самонаблюдения лингвиста становятся важным источником для размышлений и выводов. Психолингвистика, правда, любит основываться на данных экспериментов. Но эксперименты бывают не только массовые, с десятками или сотнями испытуемых. В качестве объекта эксперимента может выступать и отдельный носитель языка, в том числе и сам ученый, и учащийся. Более века назад И. А. Бо-

дуэн де Куртенэ в «Сборнике задач» [1912] задавал читателям вопросы, рассчитанные на активное самонаблюдение и рефлексию, например:

Почему я написал в данную минуту то, что написал? (Задача № 45).

Чем объясняются ослышки при восприятии и неразличение русских слов...? (Задача № 78).

Если в первой фонеме слова *дам* и в первой и третьей фонеме слова *дядя* представить себе другую работу мягкого нёба, т. е. его опущение, а не поднятие, то какие получатся слова? (Задача № 91).

А чуть позже идею самонаблюдения в языкознании развил Л. В. Щерба. Он даже вынес слово *эксперимент* в название своего доклада в 1927 г. Придавая самонаблюдению именно такой статус, ученый подчеркивал его «громкие преимущества», особенно в сфере синтаксиса и лексикографии [Щерба, 1974, с. 32].

Понятно, что эти идеи были связаны с пристальным вниманием к процессам живой речи, а также с различением активной и пассивной грамматики, с поворотом к углубленному семасиологическому анализу и т. п.

Понимание речевой деятельности как сложного многоканального процесса означает взгляд на высказывание как на динамическую структуру, в ходе построения которой говорящий реализует свою коммуникативную интенцию, а слушающий (адресат) должен прийти к адекватному пониманию заложенного в высказывании смысла.

Двойные связи или двоякая трактовка?

В данном случае нас интересует именно то, какое место в формировании смысла воспринимаемого высказывания играет его синтаксическая организация. Мы сосредоточим свое внимание на поведении некоторых морфологически неизменяемых форм в составе русского предложения. И напомним тезис Ч. Хоккетта: «Для того чтобы понять, что он слышит, слушающий иногда должен произвести синтаксический анализ предложения, то есть вскрыть его грамматическую организацию почти тем же самым образом, как это делает грамматист» [1965, с. 141]. Не отрицая роли грамматического анализа, мы попытаемся показать, что слушающий (в частном случае – читатель) в процессе восприятия соотносит формирующуюся у него в голове семантическую гипотезу со своим когнитивным и коммуникативным опытом и при необходимости ее корректирует. При этом оформление окончательного смысла обусловлено рядом внутриязыковых факторов.

В 60–70-е гг. прошлого века в русском языкознании была весьма популярна тема двойных (двусторонних) связей в синтаксической структуре. Интерес к этой проблеме подогревался нуждами автоматического анализа текста (см.: [Дрейзин, 1966; Иорданская, 1967; Куно, Эттингер, 1971] и др.). Суть проблемы в том, что у словоформы в рамках одного и того же высказывания могли обнаруживаться два разных синтаксических «хозяина», т. е. фраза допускала два (а иногда и больше) варианта синтаксического членения. Причем лингвисты подчеркивали динамическую природу данного явления, его связь с процессами, происходящими в сознании носителя языка: «Возьмем, например, предложение: *Сейчас прибежал Юсуф из кишлака* (Вокруг света. 1968. № 3). Пространственное глагольное словосочетание *прибежать (прибежал) из кишлака* в таком употреблении и при таком словорасположении “почти” распалось, так как словоформа *из кишлака*, контактируя с существительным *Юсуф*, как бы высвобождается из-под влияния глагола

и начинает тяготеть к существительному. В результате обнаруживается двусторонняя связь: *Прибежал → из кишлака* и *Юсуф ← из кишлака*. Новая синтаксическая зависимость выдвигает на первый план и новую функцию – определительную...» [Валгина, 1972, с. 99].

Действительно, это вполне реальная ситуация для собеседника: выбор одного из вариантов синтаксического членения и, соответственно, одного из реконструируемых смыслов. Приведем в качестве свидетельства литературную цитату (словоформу, фокусирующую в себе явление синтаксической омонимии, мы будем выделять в составе примеров полужирным шрифтом):

(1) – Маша в кого влюбилась? – напомнил Дюк.

– А... в Витальку Резникова. Дура, **по самые пятки**.

Дюк не разобрал: дура по пятки или влюбилась по пятки. Чем она полна – любовью или глупостью (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату).

Из комментария писательницы следует: одна отнесенность словоформы *по пятки* символизирует степень влюбленности героини, а другая – степень ее глупости. Смысл, очевидно, разный.

Приведем также пример из газетной публикации:

(2) Шведские охотники надевают на голову вместо меховых шапок **красного цвета** шапочки или кепки. Это предосторожность избежать несчастного случая – в меховую шапку другой охотник сгоряча может выстрелить, приняв ее за зверька («Комсомольская правда». 6–12.08. 2009).

Как оказывается, несогласованное определение *красного цвета* относится здесь не к препозитивному *меховых шапок*, а к постпозитивному *шапочки или кепки*. В противном случае смысл фразы был бы совершенно искажен. Но читатель без труда обходит расставленную ловушку: меховые шапки редко бывают красного цвета, а вот «шапочки или кепки» – вполне могут быть. Здравый смысл помогает правильно расставить в высказывании синтаксические связи.

В. А. Ицкович в книге о синтаксической норме отводил целый раздел «конструкциям, создающим возможность двоякого понимания текста» [1982, с. 168–183]. Автор предлагал типологию ситуаций, среди которых выделялись и «конструкции с альтернативной зависимостью одного из компонентов»: *Работа по-новому всколыхнула коллектив (Работа по-новому или по-новому всколыхнула?)* и т. п. Особое внимание при этом уделялось порядку слов: препозиции или постпозиции словоформы с альтернативной зависимостью.

Аналогичные примеры анализируются и в богатой фактическим материалом монографии О. А. Лаптевой. Здесь они находят себе место среди разновидностей широко понимаемой текстовой омонимии. В том числе автора интересуют и случаи, когда принципиальная возможность двоякого членения никаких коммуникативных затруднений не создает, типа *Воры из посольства украли ваш бесценный подарок*: вряд ли работников посольства можно заподозрить в воровстве. Иными словами, читатель устанавливает связь *из посольства ← украли*, а не *воры → из посольства* [Лаптева, 2009, с. 245 и др.].

Вместе с тем в поле зрения исследовательницы попадают и те высказывания, анализ которых представляет интерес скорее для синтаксиста, чем для обычного носителя языка. Так, при восприятии цитаты из газетного текста *Индейцы муче обладали фантастической техникой изготовления украшений из золотых пластин* словосочетание *из золотых пластин* может попасть в зависимость или от

словоформы *изготовления*, или от словоформы *украшений* [Там же, с. 244]. Но – скажет читатель – какая разница? Золотые пластины служили ресурсом для ювелирной работы или же были признаком уже готовых изделий? Это, фигурально выражаясь, – что в лоб, что по лбу. Иными словами, контекст может приглушать, замазывать остроту ситуации синтаксической омонимии.

В качестве результирующей этих активных дискуссий можно принять следующий вывод: перед нами не «двойная синтаксическая связь», а возможность двоякого (альтернативного) синтаксического анализа. Носитель языка должен сделать выбор в пользу одного из вариантов членения, и иногда этот выбор принципиально важен для понимания целого.

И даже когда смысловые варианты не расходятся так уж значительно, один из них все равно количественно доминирует над другим. Несложный психолингвистический эксперимент, проведенный нами над цитатами, выбранными из художественной литературы, показал, что одна из синтаксических связей в ответах испытуемых всегда статистически превосходила другую [Норман, 1980, с. 86].

Практика восприятия, анализа и понимания

Естественно возникает вопрос: как обычный носитель языка, без специальной лингвистической подготовки и заинтересованности в ней, решает подобные семантико-синтаксические проблемы? По-видимому, первое, на что он опирается в таких ситуациях, – это свое понимание отражаемой в высказывании ситуации, соотносимое с предыдущим опытом. Говоря короче, это уже упомянутый **здравый смысл**. Приведем несколько литературных примеров, демонстрирующих участие здравого смысла (и соответствующего прагматического компонента) в ходе грамматического анализа, ср.: [Норман, 2016, с. 160–162].

(3) И вот семья **из Сан-Франциско** решила отправиться со всеми своими сундуками на Капри (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско).

Скорее всего, данная цитата содержит в себе такой смысл: ‘семья, постоянно проживавшая в Сан-Франциско, решила отправиться на Капри’. Альтернативный вариант (‘семья, которая постоянно проживала где-то (в не названном месте), решила из Сан-Франциско отправиться на Капри’) мы отмечаем по практическим соображениям. А именно: то место, где семья проживала раньше, возможно, важно для дальнейшей ткани повествования (Сан-Франциско – крупнейший американский город. Это некоторым образом характеризует семью). Конкретная же точка, с которой началось это путешествие, вряд ли представляет интерес для читателя. Если бы это было не так, писатель мог бы использовать иной порядок слов: *Из Сан-Франциско семья, со всеми своими чемоданами, решила отправиться на Капри*. Следовательно, *из Сан-Франциско* в цитате из И. Бунина – несогласованное определение к *семья*.

(4) Коля встал, поднял руки. Хвылин профессионально и быстро ощупал его, но браунинга **в рукаве** не нашел (А. Нагорный, Г. Рябов. Повесть об уголовном розыске).

От чего зависит здесь словоформа *в рукаве*? *Не нашел* где? – *в рукаве* или *браунинга* какого? – *в рукаве*? Очевидно, что Хвылин, обыскивая Колю, искал на его теле или в одежде просто любые опасные предметы. Он не мог знать о браунинге в рукаве. И естественно было бы о результатах этого досмотра сказать так: *Хвылин оружия на теле не нашел*. Но мы-то, читатели, соотнесим данную фразу

с предыдущим контекстом, и о спрятанном в рукаве браунинге знаем (об этом было сказано ранее). Соответственно «браунинг в рукаве» – это пресуппозиция, известная и подразумеваемая часть смысла. А для следующей фразы это целиком **тема**, которая разрешается **ремой**: *не нашел*. Общий же смысл приведенной цитаты выстраивается такой: ‘Хвылин того браунинга, что был спрятан в рукаве, не нашел’. Понимание словоформы *в рукаве* как несогласованного определения (а не как обстоятельства места) обусловлено, во-первых, наличием у читателя предшествующей информации, а, во-вторых, принципиальной возможностью трактовки предложно-падежной формы имени как несогласованного определения.

(5) На четвертый день **на пляже** познакомился он с Раухой и предложил ей сплавить до буйка... (А. Арканов. Персики).

Словоформу *на пляже* можно понять просто как обстоятельство места (*познакомился где? – на пляже*), а можно – как несогласованное определение к существительному *день* (смысл: ‘четвертый день, проведенный на пляже’). Для читателя разницы между этими вариантами практически нет, однако как порядок слов (ср. альтернативный словоупотребление, при котором *на пляже* – явное обстоятельство: *На четвертый день познакомился он на пляже...*), так и реконструируемая референтная ситуация (отдыхающий все дни проводит на пляже; местонахождение на пляже становится признаком этих дней) заставят его, скорее всего, выбрать второй вариант.

Может возникнуть вопрос: не слишком ли сложную работу мысли мы отводим читателю? Отнюдь нет: это интуитивная и автоматическая деятельность. Мы видим, что синтаксическая структура высказывания осваивается носителем языка с опорой на его **реальный и вербальный опыт**. В глубине выбора варианта грамматического анализа лежит соотнесение формирующегося смысла конкретной фразы с когнитивным универсумом, уже заложенным в голове человека. «Какой смысловой вариант важнее (выгоднее, перспективнее)?» – вот вопрос, неосознанно присутствующий в сознании реципиента. Прочитаем по сему поводу авторов принципа приоритета: «Большинство синтаксических процессов, связанных как с выделением тех или иных составляющих (выдвижение в престижную синтаксическую позицию, трансформация подъема, расщепление валентности), так и с их частичной или полной редукцией (всевозможные понижения, опущения, совмещения), есть не просто формальная игра в синтаксическую синонимию, а механизм, специально предназначенный для приоритетного выражения прагматической значимости тех или иных элементов сообщения» [Бергельсон, Кибрик, 1987, с. 61]. И возможность двоякого синтаксического членения фразы – лишь частный случай развития у языка дополнительных функций, обеспечивающих человеку богатство взаимодействия со средой.

А. М. Пешковский в статье 1923 года [Пешковский, 1959, с. 58] показал, что многозначность фразы как структурной единицы обусловлена тенденцией языка к экономии, а адекватный смысл достигается с учетом общности обстановки и предыдущего опыта. Фраза «А вы карандашом!» (пример А. М. Пешковского) может иметь «огромное количество значений», но в условиях конкретного речевого акта ее многозначность снимается. Тот же вывод применим к ситуации синтаксической омонимии – возможности двоякой трактовки синтаксических связей. Слушающий борется с коммуникативной энтропией с помощью доступных ему средств.

Внутренние предпосылки, влияющие на место несогласованного определения в синтаксической структуре

Но следует заметить, что в комплексе предпосылок, обуславливающих действие принципа приоритета, входят и внутриязыковые факторы. Это – мощность лексико-семантического класса слов, функциональный диапазон словоформы, роль словопорядка в данном языке, как более частный случай – статус и возможности несогласованного определения и т. д.

Причем данная проблема имеет определенную предысторию не только в языке, но и в метаязыке – в лингвистических описаниях. А. М. Пешковский, рассматривая пределы комбинаторики разных частей речи, характеризовал в своем «Русском синтаксисе в научном освещении» (1-е издание – 1914 г.) среди прочих такой тип: «Существительное + примыкающее к нему наречие. <...> Сочетания эти всецело обуславливаются глагольностью существительного. Такие сочетания, как *из окна напротив высунулась голова*, считаем совершенно исключительными» [Пешковский, 1956, с. 339].

Сегодня ничего исключительного мы в таких сочетаниях не находим. Это – узус, закрепленный литературной нормой. Словосочетания типа *дом напротив* или *яйца всмятку*, без всякого условия «глагольности» существительного, фигурируют в вузовских пособиях как типичные примеры определительных отношений [Белошাপкова, 1977, с. 55–58; Федосюк, 2012, с. 52 и др.]. Впрочем, в других случаях определительная роль наречия при существительном признается с оговорками. В учебнике под редакцией Л. Л. Касаткина о наречии в роли определения при существительном говорится: «малопродуктивное средство» [Русский язык, 2001, с. 691]. А С. Г. Ильенко пишет применительно к сочетаниям типа *яйца всмятку* как о «крайне редком употреблении при стержневом слове, которое не является отглагольным существительным» [2009, с. 76].

Естественней и чаще выступают сегодня в роли несогласованных (неморфологизованных) определений предложно-падежные формы существительных. В Академической грамматике читаем о выражениях типа *бумага из города, дверь в сад*: «Эти словосочетания – более позднего образования, чем другие именные словосочетания. Первоначально выражаемые ими отношения были свойственны только глагольным словосочетаниям. Предложно-именные сочетания, сначала употреблявшиеся только для распространения глагола (*присланная из города бумага, дверь ведет в сад*), позднее, с развитием и усложнением грамматического строя языка, стали употребляться непосредственно при существительном, в именных словосочетаниях» [Грамматика..., 1954, с. 245].

Таким образом, отмечаются определенные диахронические сдвиги в синтаксическом поведении наречных и предложно-падежных форм. Во всяком случае, современные тексты дают множество примеров несогласованных определений, которые требуют от реципиента определенной «восстановительной» работы и заставляют думать, что говорящий предварительно проделал в уме ту же работу, только в обратной последовательности. Очень часто это касается речевой реализации локативных (пространственных) признаков.

Так, известный писатель Е. Гришковец рассказывает о том, что его детские представления о медведе были связаны исключительно с зоопарком. И добавляет:

(6) Медведя **не в зоопарке** я повстречал позже («Реки»).

Перед нами словосочетание *медведь не в зоопарке*, несомненно атрибутивное, но довольно непривычное для носителя языка. Оно нуждается в сильной дискурсивной и когнитивной поддержке – в виде примерно такой пресуппозиции: «медведи для городского мальчика бывают только в зоопарке». Соответственно, читатель должен или отослать себя к предыдущему контексту, или самостоятельно реконструировать полную исходную конструкцию, например такую: *Медведя* [который живет на свободе, а] *не в зоопарке я повстречал позже*.

(7) Я ежусь. Под ее пристальным, изучающим взглядом я чувствую себя жучком или мухой **под микроскопом** – очень неудобно (И. Одоевцева. На берегах Сены).

В воспоминаниях поэтессы-эмигрантки сочетание *муха под микроскопом* представляет собой составную номинацию, в которой словоформа *под микроскопом* играет роль определения (пространственного признака). Связь *чувствую себя – под микроскопом* в голову читателю, очевидно, даже не приходит. Причем, вообще говоря, мух не помещают под микроскоп – эти приборы имеют дело со значительно меньшими объектами. Но *муха под микроскопом* (пусть даже метафорически) – для языковой картины мира значительно более допустимое сочетание, чем *чувствовать себя под микроскопом*.

(8) – Вы меня напугали, – продолжала она, пытаясь унять дрожь в голове. В этот миг она узнала его: мужчина **на мосту**. – Как вы сюда попали? (Р. Элли. Последнее танго в Париже. Пер. В. Скороденко).

Любопытно, что если употребленное здесь выражение *дрожь в голове* совершенно не задерживает на себе внимания читателя (это уже устойчивая коллокация), то сочетание *мужчина на мосту* содержит в себе отдельную пропозицию, отсылающую к иному временному плану. По сценарию, женщина предварительно видела этого мужчину, и это случилось на мосту. Значит, мы можем восстановить недостающее смысловое звено таким образом: это '*мужчина* [которого она перед тем видела стоящим] *на мосту*'. И не стоит думать, что перед нами – речевая небрежность или результат неудачного перевода: для русской разговорной речи подобная компрессия вполне естественна.

(9) Конечно, ни один из героев сборника Сдвижкова не Андрей Болконский **под дубом**, но именно принципиально иной метод переживания экзистенциального напряжения у людей XVIII века и делает это чтение интересным (еженедельник «Коммерсантъ Weekend». 05.04.2019).

Слегка ироническая отсылка читателя к тексту романа «Война и мир» объяснима: герой Толстого именно под вековым деревом предавался судьбоносным размышлениям. Обстоятельство места *под дубом* превратилось в идентифицирующий признак ситуации – определение; а все выражение *Андрей Болконский под дубом* стало символом состояния рефлексии, раздумья. Альтернативный вариант толкования, со связью *ни один из героев – под дубом* никому в голову не приходит.

Комбинаторика лексико-грамматических классов и фразеологизация сочетаний

Понятно, что в нашем случае речь идет не о возможности сочетания в речи тех или иных конкретных слов, но о комбинаторике целых лексико-грамматических

классов – таких, как существительные и наречия. На эти ограничения давно указывали лингвисты, говоря о «высокой избирательности главного и зависимого компонентов, каждый из которых своей грамматической и лексической семантикой предопределяет круг словоформ, с которыми он может сочетаться» [Белашапкина, 1977, с. 58]. Действительно, можно попытаться очертить наиболее «предпочтительные» лексико-семантические группы слов, склонные к функции несогласованного определения (среди них, скажем, уже упоминавшиеся названия места). Так, *печка в доме* или *печка в сенях* – стандартные атрибутивные сочетания «локативного» происхождения с зависимым членом – предложно-падежной формой. Но если мы встречаем, допустим, выражение *печка в изразцах*, то понятно, что природа этого несогласованного определения – другая (это внешний признак предмета, тот же случай, что *штаны в заплатках* или *покрывало в цветах*), ср.:

- (10) Может, эта песня – без конца,
А может – без идеи...
А я строю печку **в изразцах**
Или просто сею
(В. Высоцкий. То ли в избу – и запеть...).

И вариант связи *строю в изразцах* даже не подлежит рассмотрению: лексико-семантические классы, к которым принадлежат глагол *строить* и существительное *изразцы*, не допускают такой сочетаемости.

Еще пример.

- (11) Сначала берет оторопь, сопровождаемая негативной реакцией **внизу организма** (М. Веллер. Легенды Арбата).

Предпочтение варианта связи *реакция – внизу организма* перед вариантом *сопровождается – внизу организма* может также объясняться разной степенью узальности соответствующих конструкций. Для существительного *реакция* совершенно естественным является распространитель со значением признака (а мы уже сталкивались с рядом примеров, в которых словоформа с первоначальным значением «где» принимает на себя функцию «какой»). Для глагола *сопровождаться* частотной является валентность «чем», но не «где».

М. В. Панов подробно разъяснял механизм лексико-грамматических ограничений, налагаемых на зависимое слово, на примере наречий: «В предложении *Лужи быстро везде замерзли* (М. М. Пришвин) – слово *быстро* связано примыканием с глаголом *замерзли*, потому что сочетание “лужи быстро” невозможно в качестве названия, в виде грамматического единства: отприлагательные наречия на *-о* не сочетаются с существительными (невозможны выражения типа: “Езда быстро здесь запрещена”» [Панов, 1966, с. 103].

Сказанное совершенно справедливо, но требует одной оговорки. Речевой материал демонстрирует постепенное смягчение этих комбинаторных ограничений и расширение функциональных возможностей лексических классов. Этим и объясняется неоднозначная оценка выражений типа *окно напротив*. Кто-то их приемлет, а кому-то они режут глаз или слух. Кстати, и сочетаемость наречий на *-о* с существительными тоже не столь уж безоговорочно запрещена, ср. какое-нибудь *папирсы поштучно* или *билет обратно* (например, «Дорога обратно» – название повести А. Дмитриева, «Чемпионы досрочно» – газетный заголовок и т. п.).

Это повод к тому, чтобы заметить, как быстро меняется синтаксическая норма русского языка. Связано это, конечно, с изменением дискурсивных условий (смешением стилей, влиянием рекламы, распространением компьютерного общения, сдвигами в социальной стратификации общества, ускорением темпа жизни и т. п.).

Среди других предпосылок, формирующих сегодня положение несогласованного определения в синтаксической структуре высказывания, упомянем еще относительную свободу словопорядка и тенденцию к фразеологизации словосочетаний.

Порядок слов во многих случаях играет решающую роль. Как уже отмечалось, если фраза *Семья из Сан-Франциско решила отправиться на Капри* потенциально двузначна, то вариант *Семья решила из Сан-Франциско отправиться на Капри* снимает какие бы то ни было сомнения. И если автор все же выбирает первый вариант, то это значит, что он оставляет слушающему (читателю) не свободу выбора, а лишь некоторую ее иллюзию, а по сути, лишает его такой альтернативы. Двузначный вариант в противопоставлении возможному однозначному сам утрачивает свою амбивалентность. И это касается многих подобных контекстов. Порядок слов – сильное подспорье для «здорового смысла». Добавим, что в устной речи такую же важную роль играет интонационное членение высказывания.

Что же касается фразеологизации атрибутивных словосочетаний с зависимой неизменяемой формой, то под этим процессом следует понимать приобретение словосочетанием некоторой степени речевой устойчивости. Мы могли это наблюдать в случаях типа *дрожь в голосе* или *Андрей Болконский под дубом*. Конечно, нельзя сказать, что при этом образуются идиомы в строгом смысле слова. Но определенная «узуализация» этих выражений происходит – они обкатываются в речевой практике, становятся привычными, узнаваемыми. Еще более очевидно это в случаях вроде *яйца всмятку*, *грудь нараспашку*, *картина маслом*, *дама с собачкой*, *хоккей с мячом*, *платье от Кардена* и т. п. Во всех приведенных примерах зависимая форма, несомненно, играет роль несогласованного определения.

Тенденции в развитии синтаксиса русского языка

В принципе, в рассмотренном материале мы имеем дело с перераспределением структурных связей в высказывании: происходит некоторая «разгрузка» центрального глагольного узла и дополнительная нагрузка периферийных именных узлов. В связи с этим можно вспомнить одну давнюю идею (укладывавшуюся в рамки «динамического синтаксиса») о том, что словоформа в сознании носителя языка стремится к предикатной вершине, т. е. предпочитает более центральную позицию в структуре фразы. Это так называемая «центростремительная тенденция» [Норман, 1994, с. 203], обнаруживающая себя во многих случаях. Разумеется, речь идет о тех ситуациях, когда для словоформы вообще возможен выбор одной из нескольких потенциальных связей. Так вот в данном случае мы наблюдаем ситуацию как раз противоположную (что неудивительно, вспомним внутреннюю противоречивость принципа приоритета). Центробежная тенденция заключается в том, что существительное «перетягивает» на себя словоформу, изначально зависевшую от глагола, и опускает ее в общей структуре фразы.

Возможно, это связано с внутренним стремлением к автономизации именных групп, со склонностью к «рассыпчатости» синтаксической структуры, присущей русскому языку начиная с XX в. Г. Н. Акимов говорит о фактах вытеснения классического «синтагматического» типа прозы новым – «актуализирующим»,

для которого характерны «ослабленность синтаксических связей, сжатие и опрощение синтаксических конструкций» [Акимова, 1990, с. 13]. Особенно наглядны эти процессы в разговорной речи: для нее характерны ассоциативные построения, слабо подкрепляемые формальными показателями связи. Отсюда они проникают и в художественные тексты, ср. две цитаты:

(12) Ночью я строил планы, как Ольга в Москву устраиваться поедет и Мишу уговорю, **договор о зиме на каникулы само собой** (Е. Харитонов. Духовка).

Для читателя понимание этой фразы не составляет большого труда, хотя последняя ее часть – *договор о зиме на каникулы само собой* – синтаксически бессвязна. Можно предположить, что этому предшествовал эллипсис значительной части фразы, а исходный ее вариант в сознании говорящего выглядел примерно так: *договор о том, чтобы зимой на каникулы пригласить к себе ребенка, остается в силе; это разумеется само собой*. Читатель же не обязан восстанавливать весь этот развернутый вариант, он довольствуется некоей семантической «вытяжкой»: ‘договор’ + ‘зима’ + ‘каникулы’ + ‘само собой’. Каждый компонент этого сжатого гештальта налаживает семантические мостики с соседними, а эксплицитный синтаксис при этом оказывается избыточным.

(13) И если днем бытие освещается оловянным сиянием свьше, то вечером – озари все событие сам: чиркни спичкой, зажги фитиль, и **лицо художника в юности на портрете в раме окна** станет сразу божественно желтым (Саша Соколов. Открыв – распахнув – окрылив).

Выделенный фрагмент цитаты допускает многообразную синтаксическую трактовку. Например, здесь можно выделить связи *лицо* какое? – *в юности* или *художника* какого? – *в юности*, *лицо* какое? – *на портрете* или *лицо* какое? – *в раме* и т. д. Причем для осведомленного читателя этот словесный ряд проецируется на какие-то устойчивые коллокации, например: «Портрет художника в юности» (название романа Дж. Джойса), «Семейный портрет в интерьере» (название фильма Лукино Висконти), «Лицо в окне» (название английской пьесы) и т. п. По сути же, перед нами набор несогласованных определений, связанных между собой порядком слов и лексико-семантическими переходами: ‘художник’ – ‘юность’ – ‘лицо’ – ‘портрет’ – ‘рама’ – ‘окно’. Причем если смежные члены этой цепочки воплощают в себе более или менее устойчивые ассоциации, то крайние члены трудно предсказуемы. Синтаксис же данного фрагмента вообще «рассыпчат» и необязателен.

Несомненно, отмеченные факты перестройки внутренней структуры высказывания находятся в связи со сдвигами в системе функционально-стилистических пластов языка, с упомянутым изменением дискурсивных условий: влиянием текстов торговой рекламы, оперативной информации и технической документации и т. п. Появляющиеся в речевом обиходе конструкции вроде *сапоги Италия* или *котел дрова* [Норман, 2013] говорят не только о расширении сферы номинативных конструкций и укреплении функции порядка слов в русском языке, но и о повышении роли пресуппозитивного знания, а также об изменении способов языковой упаковки информации.

Заключение

Основные положения данной статьи сводятся к следующему.

1. Место несогласованного определения в синтаксической структуре русского высказывания не остается неизменным. В течение последнего столетия данная функция, обслуживаемая наречиями и падежными формами существительного (в том числе с предлогами), активизируется за счет переразложения структурных связей глагола с дополнениями и обстоятельствами.

2. Среди факторов, обуславливающих данный процесс, выделяются лексико-грамматические ограничения, налагаемые на сочетаемость главного и зависимого компонентов словосочетания, возможности варьирования порядка слов, узуализация сочетаний.

3. Носитель языка, оказывающийся в ситуации, допускающей двоякую трактовку синтаксической структуры высказывания, соотносит формирующиеся семантические гипотезы со своим когнитивным и коммуникативным опытом, стараясь выбрать оптимальный вариант (наиболее выгодный для дальнейшего развития коммуникации).

Список литературы

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977. 248 с.

Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. С. 52–63.

Бодуэн де Куртенэ И. Сборник задач по «Введению в языковедение», по преимуществу применительно к русскому языку. СПб., 1912. 96 с.

Валгина Н. С. О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 99–104.

Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2: Синтаксис. Часть первая. 703 с.

Дрейзин Ф. А. Частота появления основных видов синтаксической омонимии в русских текстах // Научно-техническая информация. 1966. № 12. С. 55–59.

Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. 398 с.

Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // Научно-техническая информация. Серия 2. 1967. № 5. С. 9–17.

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 199 с.

Куно С., Эттингер А. Синтаксические структуры фраз и синтаксическая неоднозначность в английском языке // Автоматический перевод. М.: Прогресс, 1971. С. 121–181.

Лаптева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. 3-е изд. М.: УРСС, 2009. 413 с.

Норман Б. Ю. К вопросу о двусторонней синтаксической связи // Русский язык в школе. 1980. № 4. С. 84–87.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 229 с.

Норман Б. Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица... О дискурсивной обусловленности грамматики // Slavica Nitriensia. 2013. № 1. С. 5–17.

Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. М.: Флинта – Наука, 2016. 216 с.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР: В 5 т. М.: Наука, 1966. Т. 1: Индоевропейские языки. С. 55–122.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избр. тр. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

Русский язык / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АCADEMIA, 2001. 768 с.

Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. М.: ИНФРА-М, 2012. 245 с.

Хоккетт Ч. Грамматика для слушающего // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 139–166.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

References

Akimova G. N. *Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of modern Russian]. Moscow, Vyssh. shk., 1990, 168 p.

Beloshapkova V. A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow, Vyssh. shk., 1977, 248 p.

Bergel'son M. B., Kibrik A. E. *Pragmaticheskiy printsip prioriteta i ego otrazheniye v grammatike yazyka* [The pragmatic principle of priority and its reflection in language grammar]. In: *Modelirovaniye yazykovoy deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh* [Modeling linguistic activity in intelligent systems]. A. E. Kibrik, A. S. Narin'yani (Eds). Moscow, Nauka, 1987, pp. 52–63.

Boduen de Kurtene I. *Sbornik zadach po "Vvedeniyu v yazykovedeniye", po preimushchestvu primenitel'no k russkomu yazyku* [Book of problems on the "Introductory linguistics", mainly in relation to the Russian language]. St. Petersburg, 1912, 96 p.

Dreyzin F. A. *Chastota poyavleniya osnovnykh vidov sintaksicheskoy omonimii v russkikh tekstakh* [Frequency of occurrence of the main types of syntactic homonymy in Russian texts]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. 1966, no. 12, pp. 55–59.

Fedosyuk M. Yu. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of the modern Russian language]. Moscow, INFRA-M., 2012, 245 p.

Grammatika russkogo yazyka. T. 2: Sintaksis. Chast' pervaya [Grammar of Russian language. Vol. 2: Syntax. Part One]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954, 703 p.

Hockett Ch. *Grammatika dlya slushayushchego* [Grammar for the Hearer]. In: *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Progress, 1965, iss. 4, pp. 139–166.

Il'yenko S. G. *Kommunikativno-strukturnyy sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Communicative and structural syntax of the modern Russian]. St. Petersburg, RSPU Publ., 2009, 398 p.

Iordanskaya L. N. *Sintaksicheskaya omonimiya v russkom yazyke (s tochki zreniya avtomaticheskogo analiza i sinteza)* [Syntactic homonymy in Russian (from the point of view of automatic analysis and synthesis)]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2*. 1967, no. 5, pp. 9–17.

Itskovich V. A. *Ocherki sintaksicheskoy normy* [Essays on the syntactic norm]. Moscow, Nauka, 1982, 199 p.

Kuno S., Ettinger A. *Sintaksicheskiye struktury fraz i sintaksicheskaya neodnoznachnost' v angliyskom yazyke* [Syntactic structures of phrases and syntactic ambiguity in English].

ty in English]. In: *Avtomatičeskij perevod* [Automatic translation]. Moscow, Progress, 1971, pp. 121–181.

Lapteva O. A. *Rečevyye vozmožnosti tekstovoy omonimii* [The speech resources of text homonymy]. 3rd ed. Moscow, URSS, 2009, 413 p.

Norman B. Yu. *Grammatika govoryashchego* [The Grammar of a speaker]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994, 229 p.

Norman B. Yu. К вопросу о двусторонней синтаксической связи [On the issue of two-way syntactic connection]. *Russian language at school*. 1980, no. 4, pp. 84–87.

Norman B. *Sapogi Italiya, vanna Novokuznetsk, krysha cherepitsa...* O diskursivnoy obuslovlennosti grammatiki [Sapogi Italiya, vanna Novokuznetsk, krysha cherepitsa... about the discursive conditionality of grammar]. *Slavica Nitriensia*. 2013, no. 1, pp. 5–17.

Norman B. Yu. *Zhizn' slovoformy* [Life of the word-form]. Moscow, Flinta – Nauka, 2016, 216 p.

Panov M. V. Russkiy yazyk [The Russian Language]. In: *Yazyki narodov SSSR: V 5 t. T. 1. Indoyevropeyskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR: In 5 vols. Vol. 1: Indo-European languages]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 55–122.

Peshkovskiy A. M. Ob'ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk [Objective and normative view of language]. In: Peshkovskiy A. M. *Izbr. tr.* [Selected works]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, pp. 50–62.

Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. 7th ed. Moscow, Uchpedgiz, 1956, 511 p.

Russkiy yazyk [Russian language]. L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, ACADEMIA, 2001, 768 p.

Shcherba L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of language phenomena and on the experiment in linguistics]. In: Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rečevaya deyatel'nost'* [Linguistic system and speech activity]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 24–39.

Valgina N.S. O dvustoronney sintaksicheskoj svyazi v sovremennom ruskom yazyke [On two-way syntactic connection in modern Russian]. *Russian language at school*. 1972, no. 5, pp. 99–104.

Сведения об авторе

Норман Борис Юстинович – профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь); ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия).

boris.norman@gmail.com

ORCID 0000-0001-8520-5387

Information about the Author

Boris Ju. Norman – Professor of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus); Leading Researcher of Special Laboratory of Computer Lexicography, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

boris.norman@gmail.com

ORCID 0000-0001-8520-5387

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 2

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2